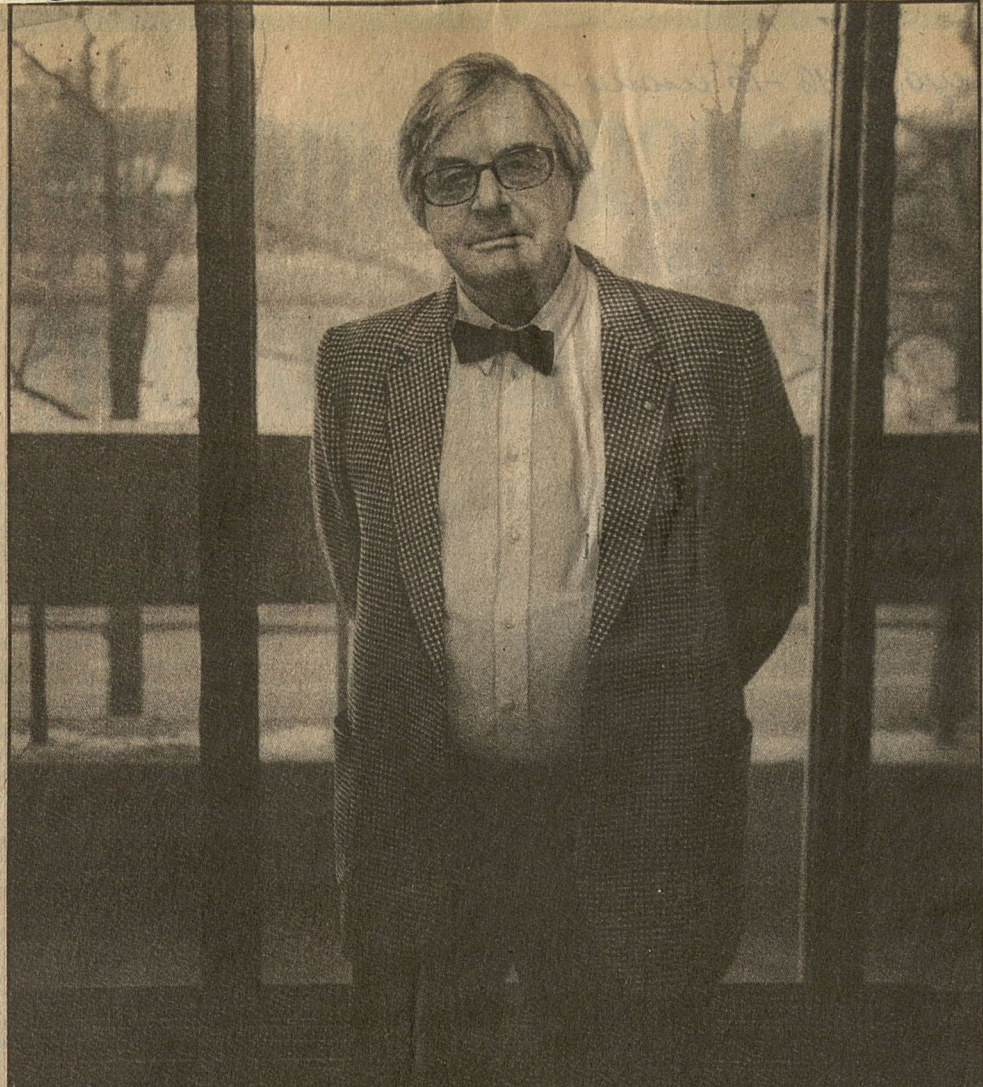

Любимов
Юрий

15.06.96

Вех. клуб - 1996.
15 июня - с 4.

Юрий ЛЮБИМОВ:

Я бы бросил все планы и сыграл Сталина

Когда Юрий Любимов в Москве, в театре атмосфера особенная — «хозяин дома». Можно даже сказать, праздничная, хотя работа идет вовсю. «Я сегодня поспорил с актерами: сыграют хорошо «Доктора Живаго» — будет выходной, нет — еще репетировать будем. Так что вечером пойду смотреть»... Премьера «Подростка» выпущена, замечания по другим спектаклям сделаны. Теперь Юрий Любимов приедет только осенью. Беседа с основателем и художественным руководителем Театра на Таганке велась накануне его отъезда домой.

— Юрий Петрович, вы считаете, в театре должен быть один хозяин?

— Театр — это та же артель. Если она хорошая, то она понимает, что нужно слушаться главного, который ее собирает, иначе все развалится. А если появляется человек, который никого не слушает и делает во вред артели, если он профессионал, то он уходит в другую артель или создает новую. Как сейчас все разбрелись в новую артель. У них там Зюганов главный...

— Вы отрицательно относитесь к антирепризам?

— Совершенно безразлично. Но то, что из артели Зюганова себя безобразно ведут, это безусловно — нельзя же превращать театр в судебную тяжбу. Говорить об этом не хочу, но меня поражают те, кто руководит государством. Театр — это же государственное дело, и государство должно его сохранять. А оно почему-то идет на то, что все растаскивается — в науке, культуре, во всех отраслях. Только и узнаешь, что все погубило, все разбрелись куда-то и все скорбят.

И вот мы все время выкручиваемся, как и все, потому что не хватает денег на прожитие. Вы думаете, я не выкручивался, когда делал первый спектакль?

— Тогда было легче?

— Легче, во-первых, потому, что я моложе был намного. Тридцать три года назад. И лучше, потому что у меня было училище, была крыша, половина которой, как вы видите, теперь уехала к Зюганову, Анпилову, Губенко...

— Вы сейчас человек самодостаточный или есть люди, способные вдохновить, повлиять на решение спектаклей?

— Ну почему же, я даже в своем сухом зрелом возрасте стараюсь слышать и видеть людей. Природа мне многое дает, стараюсь, чтобы во мне не угасло чувство восторга, удивления, как будто нет у меня такого возраста.

— Зритель может раздражать?

— Весьма часто. Об этом Чехов еще говорил.

— А когда раздражает актер, как быть?

— Если крайне раздражает, немоготу смотреть, выйду из зала.

— А если чувствуете, что у самого что-то не получается?

— Работа есть работа. Про нас иностранцы очень хорошо говорят: вы хотите что-нибудь с этим народом сделать? Почитайте Достоевского, что можно с этими персонажами сделать, — ничего. Ну как советские всегда говорили: этот человек неуправляемый, не надо с ним иметь дело. Так и у нас.

— Я слышала, вы хотите сыграть Сталина. Что это за идея?

— Идея прекрасная — фигура для пера Шекспира. Я очень хорошо помню всю эту эпоху, я в ней жил. Потом собирал байки о Сталине, что он при каком случае сказал. О нем же бесконечные легенды ходят — какие-то специально пускали, чтобы его возвеличить, что-то на самом деле было. Вот ехал он на автомобиле, увидел дорогу, говорит: «Ну-ка заверните сюда». Завернули. Оказались на даче Папанина. Сталин обошел, осмотрел. Самого Папанина не было — какой-то человек с трепетом все ему показал. Сталин спрашивает: «Книга отзывов есть?» Ну принесли какую-то тетрадку, и он написал: «Осмотрел дом отдыха Главсевморпути. Здесь могут хорошо отдыхать трудящиеся». И приписал: «Слишком долго снимает пенки с одной льдинки. И. Сталин». Этот комедийный случай говорит о его остроумии, а есть просто кошмарные вещи, раскрывающие его мышление изощренного садиста, умение выжидать, как кобра, свою жертву годами, чтобы потом ее уничтожить. Все это меня занимает. Я часто говорю, была бы возможность — взял бы все собранные материалы, составил схему и дальше импровизировал бы в этой схеме.

— То есть пьесы еще нет?

— Есть только огромные заготовки. Да я и не хочу пьесу, я хочу импровизировать. Обозначить персонажи, сделать только схематично скелет, а обрести он должен уже по ходу действия. И снимать бы все пятью камерами... Но это все просто мои прожекты маниловские.

— В конкретном времени они обозначены?

— Нет. Как артист я готов к этому. Но нужно найти деньги, как теперь выражаются, спонсоров. Тогда бы я бросил все свои планы и стал бы этим заниматься.

— У вас ни в одном спектакле нет занавеса. А не имею в виду легендарный гамлетовский, который используется и в «Мастере и Маргарите»...

— «Мастер и Маргарита» — это уже особая вещь. В спектакле же нет художника. Я хотел подарить Булгакову в день его рождения все лучшее, что я сделал в театре. Взял свои любимые вещи-метафоры: занавес от Гамлета, ра-

му от Тартюфа, кубики от Маяковского, маятник от «Часа пик» и так далее. Спросил разрешения у художников — это все было театральное, поэтому я мог брать. Да мне и денег ни на что другое не давало управление. Они не хотели, чтобы я ставил «Мастера». А я вымаливал, говорил, что сделаю только экспериментально, потом покажу вам...

— И все же обычный занавес, обрамляющий спектакль, вам не нужен?

— Занавес был в Гоголе, правда, из него тут же вырезали шинель Акакию Акакиевичу. Оставалась дырка. Акакий уходил, и возникал спектакль. А так, как вам сказать, я все же хотел искать какие-то новые пространственные измерения. И вообще я не люблю декорации. Потом ведь ничего не было — просто ящик, ни трюма, ни карманов, ни колосников не было в этом театре и сейчас нет. Трюм мы только вырыли. И тогда я начал оснащать светом. Это сейчас появилось столько интересных приборов, дистанционное управление, компьютеры. А мы все делали примитивно. Придумал себе занавес световой, потом поставил боковой, контрсвет нижний и так далее. У меня не было другого выхода, как помочь изменять пространство светом, и поэтому театр стал очень сильно заниматься световой партитурой. Даже японцы просили разрешения скопировать.

— Были ли у вас моменты, когда систему Станиславского вы воспринимали как руководство к действию?

— У меня было любопытство. Я два года учился на всесоюзном семинаре Кедрова. Туда ходили великие артисты со всех театров, но выдержал все два года я один — все разбежались. Мне было интересно получить из рук первого ученика Станиславского его новую методику преподавания, метод физических действий, действенного анализа, как пьесу разобрать. И до сих пор мне это помогает. А сама система мне напоминает историю ВКП(б), которую все сдавали годами, ничего не понимая. Это как самоучитель актерской игры, что ли. Но есть блистательные актеры во всем мире, которые не знают этой системы. Есть и Булгаков, прекрасно описавший в «Театральном романе» все чудесные отношения театра, я с иронией это говорю. Есть метод работы великого мастера, но это совсем другое, чем система в искусстве.

— «Театральный роман» тоже ведь был в ваших планах.

— В это время случились все несчастья с разделом театра.

— Теперь отложен в долгий ящик?

— Не знаю... Видите ли, для «Театрального романа» нужен театр, который имеет несколько поколений, большую историю. Самое идеальное — это сделать его во МХАТе, хотя они и просили когда-то не издавать этот роман.

— Когда вы находитесь в Москве, у вас остается время следить, что происходит в других театрах?

— Все не хватает времени. Я собираюсь, никак не могу посмотреть две работы моего коллеги Петра Фоменко — «Без вины виноватые», мне хвалят, и «Пиковую даму», мне интересно, ведь я оперу «Пиковая дама» ставил. Музыкальное либретто мой друг Шнитке делал, за что нас тут обругали, хотя спектакля не было, а был только замысел. В «Правде» печатали такой гнев трудящихся, всю нашу компанию так оскорбляли, запрещали даже фантазировать.

— А на Западе часто ходите в театр не как на работу?

— Редко, только когда узнаю, что есть что-то очень интересное. Замечательную английскую труппу я видел в Афинах — Питер Холл привез аристофановскую «Лисистрату». От тоже совершенно блистательной программы «Гвоздики» Пины Бауш я получил огромное удовольствие. Очень много работаешь и потому ходишь, когда тебе хвалят. Уходить ведь неудобно — обижаются, а когда плохо и нет сил сидеть, это же мучение... Мы вообще преувеличиваем уровень нашего театра. Он далеко не такой прекрасный, как всем кажется. А когда мне нравится, я с радостью являюсь, и рот до ушей.

— Каждый человек хранит образ своего настоящего дома, пусть даже понятия собирательного, вобравшего уголки разных квартир, мест. Каков образ вашего дома?

— Он должен быть довольно просторным, чтобы в нем не было тесно, со вкусом обставлен, а главное, чтобы обитатели понимали друг друга и были терпеливы друг к другу.

— Вы имеете такой дом?

— Да, в общем, я не могу жаловаться. Другое трудно, что моя семья — там, а я много работаю здесь. Но это мое желание помочь театру. Я мог бы жить все время и там, где у меня нет проблем.

Встречалась Ирина КОРНЕЕВА.

163